

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Цзюй Куньи «“Харбинский текст” несказочной (исторической) прозы первой половины XX в.: прагматика, семантика, жанрово-тематическое своеобразие», представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

Представленная к защите диссертация посвящена изучению несказочной (исторической) прозы г. Харбина, бытовавшей среди его русских, китайских и метисированных жителей первой половины XX в. Автор работы справедливо утверждает, что эта проза является полноправной, но специфической частью «харбинского текста», устные компоненты которого обретают всё большую ценность по мере исчезновения породившей его городской среды и ухода из жизни большинства прямых свидетелей-информантов. Это одно из ключевых обстоятельств, предопределивших актуальность и большой потенциал исследования фольклорного слова о Харбине, отражающего глубинное народное (русское и китайское) представление об этом особом городе и его живую историю.

Несмотря на мировоззренческие и эмоциональные различия, связанные с расхождением географических, временных, социальных и этнических характеристик, в работе выявлена общность комплекса фольклорных текстов русских харбинцев, представленного в широком жанрово-тематическом спектре: семейные мемораты, были, легенды, бывальщины, предания. Многие из них испытали влияние исторической, литературной и мемуарной части «харбинского текста». Доминантными точками несказочной (исторической) прозы харбинцев становятся семейные мемораты, устные рассказы о религиозной жизни, праздничной культуре, образах взаимовосприятия русских и китайцев в Харбине. Устные рассказы русских и китайских харбинцев, несомненно, представляют собой не просто личные и семейные истории рассказчиков, но часть истории русских в Китае как часть и китайской, и российской истории.

Объект и предмет, цели и задачи диссертационного исследования (с. 13–15) сформулированы корректно, четко и адекватно. Поставив цель выполнить комплексное изучение несказочной (исторической) прозы жителей Харбина с жанровой, образно-тематической, семантико-прагматической, этнокультурной, этнорелигиозной точек зрения ее функционирования в «харбинском тексте» русской культуры, диссертант выдвигает задачи научной обработки собранных полевых материалов, сравнительного сопоставления российской и китайской историографии по фольклористике и истории межэтнических,

межкультурных и этнорелигиозных связей русских и китайцев у дальневосточного фронта, а также задачи определить суть, базовые константы и специфику функционирования «харбинского текста», выявить его наиболее актуальные жанры и составляющие их аспекты, проанализировать конкретику сюжетов, содержания, формы и стиля отдельных личных и семейных историй, пути эволюции «харбинского текста» несказочной прозы, включая его русскую и китайскую части, проанализировать способы сбережения исторической памяти в рамках базовых жанров харбинского фольклора.

Высокая степень новизны и достоверности исследования обеспечены введением в научный оборот целого комплекса уникальных полевых фольклорных материалов в виде разнообразных устных рассказов русских и китайских жителей на русском, китайском и английском языках, собранных в значительной мере самим диссертантом. Автор также впервые привнес в сферу российской историографии материалы многих ценных теоретических и эмпирических исследований китайских авторов, издаваемых на китайском языке (с. 13, 15–16).

Историографическим фундаментом диссертации служат отечественные и зарубежные исследования по истории и филологии, в том числе эмигрантоведению, фольклористике, теории несказочной прозы, методологии устной истории, семиотике городского фольклорного текста, этнокультурной идентичности и специфике фольклорных текстов, бытовавших в маньчжурском порубежье, в пространстве вдоль линии КВЖД (с. 6–12).

Работа написана с использованием широкого круга устных и письменных источников времен существования «русского Харбина» до середины XX в., а также постхарбинского эмигрантского периода, вплоть до наших дней.

Теоретическая и практическая значимость работы очевидны, методология и методы исследования возражений не вызывают. Пункты двенадцати положений, выносимых на защиту (с. 17–20), изложены четко, последовательно и полностью соответствуют логике, целям, задачам и выводам исследования.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения. Первые две главы включают по четыре параграфа, третья глава – два параграфа. В списке источников и литературы указаны 451 публикация на трёх языках, а в Приложении помещены 23 фотографии информантов с их полными именами на русском и, частично, китайском языках.

В 1-й главе «Несказочная (историческая) проза как вербальная часть “харбинского текста” русской культуры» представлен анализ онтологических основ, методика собирания и изучения, прагматический и семантический аспекты дифференциации, а

также антропологический аспект изучения несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в.

Во 2-й главе «Тематико-сюжетный репертуар устных рассказов-меморатов харбинцев» исследуются семейные предания про истории «исхода из родных мест», *религиозный и праздничный быт*, сосуществование русских, китайцев и японцев в Харбине и прочие темы и сюжеты семейных историй в устных рассказах харбинцев.

В 3-й главе «Тематико-сюжетное своеобразие харбинских рассказов-фабулатов» анализируются мифологические рассказы и легенды о Николае Угоднике как часть русского «харбинского текста», а также сюжет о «харбинском дедушке» как китайская модель трансформации мемората в фабулат в «харбинском тексте» несказочной прозы.

В Заключении обобщены выводы, основанные на полевых материалах 2015–2022 гг., проблемных и теоретических исследованиях диссертанта и других ведущих российских и китайских авторов, а также намечены перспективы дальнейших исследований.

В частности, автор резонно заключает, что несказочная (историческая) проза является полноправной, но специфической частью «харбинского текста» первой половины XX в., что фольклорное слово о Харбине выражает глубинное народное – русское и китайское – представление об этом уникальном городе. Большую часть харбинских нарративов занимают устные рассказы-мемораты, обращенные непосредственно к истории города, повседневной жизни его жителей. Устные рассказы харбинцев, обращенные к духовной и религиозной жизни, зачастую переходят в жанровую форму предания, либо легенды, то есть представлены фабулатами. Выявленными диссертантом доминантными точками становятся семейные мемораты, устные рассказы о религиозной жизни, праздничной культуре харбинцев, образах взаимовосприятия русских и китайцев. Что касается периодизации бытования *русского* «харбинского текста» несказочной исторической прозы, то автор верно полагает, что этот текст возникает с момента строительства города. Наконец, *китайский* «харбинский текст» устной истории, представленный в основном меморатами, создавался, по мнению диссертанта, ещё позднее, под влиянием объективных условий формирования китайского населения Харбина, в том числе массовых миграций, «культурной революции» и других социально-политических процессов в КНР второй половины XX в. (с. 187–188).

Полученные выводы представляются в целом верными и системно обоснованными, полностью соответствуют целям, задачам и содержанию основной части, изложены ясно, убедительно и свидетельствуют о высоком научном уровне диссертации.

Вместе с тем, следует высказать несколько замечаний, дискуссионных соображений и пожеланий в отношении оппонируемой работы.

1. Диссертант прекрасно владеет русским языком, но работа несвободна от случайных опечаток, повторов слов и даже целых фраз (с. 31–32). На с. 97 приведена неуместная ссылка 215, а на с. 92 упомянут некий «отдел международных связей ЦК КГБ» (вероятно, это был ЦК ВКП(б) или ЦК КПК). Знаменитый глава «московских харбинцев» Георгий Васильевич Мелихов (1932–2019), внесший огромный вклад в изучение истории русского анклава по линии КВЖД и в Харбине, дважды указан под ошибочными инициалами как С.В. или Г.П. Мелихов (с. 49, 114).
2. Диссертант не использовал некоторые важные исследования и источники, такие как статья Г.В. Мелихова «Харбин: история возникновения» (Тихоокеанский альманах «Рубеж». 1992, № 1. С. 311–326), а также интервью Г.В. Мелихова, записанное в 2012 году в Москве для известного научного проекта «Российское Китаеведение – устная история». К сожалению, в списке информантов отсутствуют теперь уже немногочисленные, но и ныне здравствующие харбинцы из г. Омск.
3. Портреты 23-х информантов в Приложении почему-то подписаны как «Рисунок», хотя на деле все они являются фотографиями (с. 240–262). В случае публикации книги на основе диссертации было бы уместно изменить «рисунок» на «фото», а также дать под фотографиями краткие биографические справки о каждом из информантов, что существенно повысит информативность и ценность Приложения.
4. Как утверждает диссертант, первые десятилетия строительства Харбина не располагали к формированию интереса к городскому фольклору. В частности, прекрасно развитая периодическая печать обусловила маргинальный статус устной словесности Харбина (с. 44). Хотя фольклорный «харбинский текст» несказочной исторической прозы возникает с момента строительства города – возможно, раньше литературного и даже публицистического, его фиксация начинается, наоборот, достаточно поздно – после создания мемуарного и рецепции литературного текстов (с. 17, 57, 187). Этот вывод логичен, но далеко не бесспорен, в связи с чем требует проверки и доказательств. Как верно указал сам диссертант: «Публицистическая часть «харбинского текста» запечатлена, в первую очередь, в материалах периодической печати, издаваемой в самом Харбине практически с самого начала его основания» (с. 38). С нашей точки зрения, информативный потенциал периодической печати Харбина использован в диссертации в недостаточной мере. О большой близости харбинской прессы к живому фольклору свидетельствуют даже названия газет и журналов: «Рупор», «Молва», «Эхо», «Гримасы жизни», «Веселый обыватель»,

«Студенческий юмор» и другие. Поэтому не исключено, что фиксация «харбинского текста» несказочной исторической прозы началась не позднее, но гораздо раньше и именно в местной прессе, возникшей синхронно с зарождением в 1898 г. Харбина и его городского фольклора.

5. При изучении китайских меморатов и фабулатов стоит обратить больше внимания на этническую принадлежность упоминаемых в них семейных предков: русских, ханьцев, маньчжур и т.д. К примеру, в сюжете о «третьей прабабушке», *взявшей* в супруги прадеда из Шаньдуна (с. 181–182), сообщается, что она была *из знатной семьи, кузиной начальника уезда* в Гуаньдуне эпохи поздней Цин (до 1912 г.), жила и *ведала делами* в своем доме под Харбином. Прадед – ханьский переселенец, добывает деньги для семьи как «отходник», работой у русского богача в Харбине. После возвращения прадеда из Харбина и смерти в доме прабабки, она наследует все деньги и власть как «патриарх» (точнее, *матриарх*) в *матрилокальной* семье. Все эти известия хоть и косвенно, но комплексно и прозрачно указывают на то, что прабабка была не китайкой, а маньчжуркой, и это возможно установить путем дальнейшей работы с информантом. Если же прабабка информанта была действительно знатной маньчжуркой, обустроившей китайско-маньчжурскую смешанную семью, то весь сюжет обретает черты уже не просто русско-китайского, а *русско-китайско-маньчжурского этнокультурного варианта* продуцирования «харбинского текста» устной несказочной прозы или мифологемы, куда более сложно и специфично отражающего миксацию фронтального мышления харбинцев. Ещё одной важной и требующей особого анализа константой этого текста служит тема дарообмена (посуда, деньги из клада) как ритуала и символа воздаяния в благодарность за верное служение, взаимопомощь и сотрудничество связанных общей судьбой разноэтничных героев сюжета собранных нарративов (с. 183–186).

Указанные замечания и соображения несколько не снижают высокий научный уровень представленного к защите исследования.

В целом, диссертация Цзюй Кун-и является оригинальной, самостоятельной научно-квалификационной работой. Автор продемонстрировал профессиональное владение современными научными методами для достижения целей изучения актуальной проблемы, имеющей большую практическую значимость. Содержание автореферата соответствует основным положениям и выводам диссертации. Оформление диссертации и автореферата корректно и не вызывает замечаний.

Основные результаты работы опубликованы в виде 17-ти статей, в том числе 4-х статей в периодических научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация Цзюй Куньи «“Харбинский текст” несказочной (исторической) прозы первой половины XX в.: прагматика, семантика, жанрово-тематическое своеобразие» полностью соответствует паспорту специальности и профилю диссертационного совета. Работа отвечает требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» Правительства РФ (от 24.09.2013 г. № 842), предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а ее автор, Цзюй Куньи, заслуживает присуждения ей искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.4. Фольклористика (филологические науки).

Официальный оппонент:
кандидат исторических наук,
заместитель директора по науке
ФГБУН «Институт востоковедения РАН»

Головачев Валентин Цуньлиевич

27 марта 2023 г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения РАН»

Почтовый адрес: Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Телефон: +7(495) 625-42-62

Сайт: <http://www.ivran.ru>

E-mail: v.golovachev@ivran.ru

Тел.: +7-916-965-48-75

Подпись Головачева В.Ц.
УДОСТОВЕРЯЮ
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
А.В. Демченко
«27» марта 2023 г.

